

АЛЕКСАНДР КОМАРОВ

ОБЩИЕ СЛОВА

Памяти сына

Санкт-Петербург

УДК821.161.1-1

ББК 84

К63

Комаров А.

К 63 Общие слова. Стихотворения. – СПб.: . 2023. – с.
ISBN

«Общие слова» – восьмая книга поэта.

Стихи, как и люди, обладают печальным свойством – стареть. Но, в отличие от людей, стареют не все стихи. Эта книга – скромный эксперимент автора над собой и своими произведениями: под одной обложкой собраны и перемешаны между собой стихотворения, написанные совсем недавно, и стихи, которым – за пятьдесят. А что из этого вышло...

Все тексты публикуются в авторской редакции

Издание осуществлено при поддержке родных и друзей

УДК821.161.1-1

ББК 84

© Комаров А., 2023

© Издательство «», 2023

ЛИСТВА ПОД НОГАМИ

* * *

Настигнут редкой похвалою,
я не пускаюсь тотчас в пляс,
судьбу не обзываю злою
и не точу заплечных ляс.

Отгородясь условной стенкой,
спокойно пользуюсь пока
завышенной самооценкой...
Завышенною. Но – слегка.

* * *

До-олго пел соловей. А мы слушали,
отдыхая усталыми душами.
Ограничены брачными сроками,
прилетели вороны с сороками.
Увлечённые спорами жаркими,
полчаса стрекотали и каркали.
Соловей, сделав паузу длинную,
вновь запел свою песню старинную.
Так что не потерпели урона мы
от сорочьих скандалов с воронами.

* * *

Всё так, как надо, всё по делу,
у каждого свои дела,
своя рубаха ближе к телу,
и ноша, что не тяжела.
И собственной мерой меряют
с высот незнания своего,
и зрячие слепым не верят,
что те не видят ничего.

* * *

Человек, заботами гоним,
вовсе не торопится, однако.
Тащится животное за ним,
по национальности – собака.
Так и бродят не разлей вода,
всем чужим заглядывая в лица,
чтоб не потеряться никогда,
и уж точно, чтоб не отделиться.

* * *

Все сложности, что мы порой
понапридумывали сами,
переживаем, как герой
в третьеразрядной мелодраме.

Действительностью же скользя,
где поскользнуться так не сложно,
вдруг совершим, чего не можно,
пренебрегая всем, что лъзя.

* * *

Старею? Ну что с того?
Устареваю – вот что плохо.
Устаревание моё
не видит быстрая Эпоха.

Всё улетит Эпохе в пасть,
и устарею навсегда я,
чтоб исхитриться в детство впасть,
из времени не выпадая.

НОСТАЛЬГИЯ

Как предсказать желанья наши?
Вдруг захотелось манной каши:
я не едал её давно.
А после пить продукт здоровый,
хотя бы кофе желудёвый,
Да и ячменный заодно.

По заведённому порядку
так славно съесть яичко всмятку,
потом налить в стакан кефир...
Вот так, не ведая диеты,
и жить, всю жизнь любя конфеты
и ненавидя рыбий жир.

* * *

Открой словарь. И в слово пальцем ткни.
В любое. И откликнутся они.
У всех у нас на них одни права:
ведь это наши, общие слова.
Однако часто предлагают нам
от общих слов переходить к делам.
Но не пора ли поубавить прыть?
Настало о делах поговорить,
когда соображения велят
сначала выработать общий взгляд,
и тут уже, как только ни крутись,
без общих точных слов не обойтись.

* * *

Вот мотоцикл. К нему коляска
надёжно так прикреплена,
чтобы ни скрипа и ни лязга
не издавала бы она.
А вот колясочник-верзила.
Грудь колесом, в плечах широк...
Его коляска и возила,
но не асфальтами дорог,

а там, где нету места слабым:
осатанеешь от стези,
несясь по бешеным ухабам,
при этом – по уши в грязи.
И вот, при сумасшедшей тряске,
едва лишь колесо вильнёт,
он свешивается с коляски,
а то – к водителю прильнёт.

Без отдыха, по ходу трассы,
повергнув в изумление нас,
выписывает выкрутасы,
удерживаясь всякий раз.
Нам в радость. А ему отрада —
достойно откатать свой путь
и верить, что ему не надо
уметь ещё хоть что-нибудь.

* * *

Ну-с, обратимся к нотной груди,
где пылью каждый лист пропах...
Да вот, допустим, Букстехуде –
его ценил великий Бах.

Но на балах не слышно Баха.
Бах на балах не при делах.
Здесь для восторженного аха
вполне подходит Оффенбах.

Но нам необходимы оба!
Вибрирует скрипичный звук, –
и сразу подобрела злоба,
угомонились боли мук.

А тот, кому медведь на ухо
однажды в детстве наступил, –
ему тот звук зудит, как муха,
как визги циркулярных пил.

И, чтобы звуки стали глуше, –
пустяк достаточен ему:
он плотно затыкает уши
и счастлив, – судя по всему.

Он, может быть, и прав отчасти.
Тут как взглянуть на сей предмет:
на свете уйма частных счастья,
всеобщего же – нет как нет.

* * *

Стоит только прикоснуться к Вечности,
сразу мёрзнут верхние конечности.
Как дошли мы до такой беспечности?
Надо поскорей с мороза печь внести.

Ну а что с конечностями нижними?
Мы на свет людьми явились книжными
и владеть ремёслами престижными
не умеем, хоть все силы выжми мы.

Так вот и живу, ногами дрыгаю,
не смущён вселенской холодрыгою.

* * *

Всё уgomонилось. Ночь упала.
И машин, и пешеходов – мало.
Фонари застыли в карауле.
Близкие давным-давно уснули.
Не сочится тёплый свет из окон.
Пробежал трамвай, сверкая током,
И пропал за синевой густою,
в парк шмыгнул, наполнен пустотою.
Одиночество в стерильном виде.
Разве может кто-то быть в обиде?

* * *

Поздние знакомства только в тягость.
Я бы избегал подобных встреч.
Вот пришёл и не даёт житья гость,
сразу невпопад заводит речь.
Слушая его, душа возропщет:
что ни слово – чушь и ерунда.
Надымит, напьёт, нажрёт, натопчет,
а уйдя – исчезнет навсегда.
Час маячил, заслоняя солнце
так, что не проткнуться и лучу.
Кыш отсюда, поздние знакомцы!
Слышать вас и видеть не хочу!

* * *

Определяю, кто ты таков –
по сношенности каблуков,
одежде, жестам и фигуре,
по выражению лица,
по голосу – всё, до конца
узнаю о твоей натуре.
Длинноволос ты или лыс,
толст или строен – берегись! –
Я под личиной различаю
(в чём и спешу уверить вас)
живую мимику гримас
и склонность к пиву или чаю.
И всё легко, всё без труда...
А между тем, саднит досада,
что вообще-то никогда
мне было этого не надо.

ГОРОДОК

Фонарь качался, ночь не напугав.
Собаки где-то лаяли: гав-гав!
Но лето не вернётся – лай, не лай...
А где же дядя Коля? Николай
Петрович? Дома тщетно ждёт жена.
Ночь в августе бессовестно темна.
А в городке неспешно жизнь течёт
и тишина (собачий лай не в счёт).
Надёжно спят деревья и кусты...
Эй, Николай Петрович, где же ты?
Но чу! Кто там под фонарём возник,
Колеблем тишиною, как тростник?
Ты где же был, пропойца и нахал?!
А он в ответ невнятно: «А-адыхал»,
и о порог споткнулся, и упал,
и больше так уже не поступал,
хотя и выпивал порою – впредь
до дня, как под забором помереть...

ЖЗЛ

Люблю я вид библиотечных полок.
Мой путь среди них неутомимо долог:
Чтоб чуть пообразованнее стать, –
необходимо что-то полистать.
Я с юности пристрастие имел
к изданиям под маркой ЖЗЛ.
Тут государь, философ и герой,
как рядовые, встали в общий строй,
и все, кто знамениты, кто – не очень,
совместно коротают дни и ночи.
Все – разные, разнообразно славны...

Но есть соседства, что весьма забавны.
Положим, ну какой быть может спор,
коль рядом Пирогов и Пифагор?
А разве служит нам дурным примером,
что Батюшков соседствует с Бодлером?
И это очень радовало б... Но
с Матиссом рядышком возник Махно,
а с Брежневым теснятся бок о бок
и хан Батый, и стихотворец Блок...

Мы обо всех читаем. Но без толку,
не помышляя встать на эту полку
ни через век. Ни завтра. Никогда...
Напрасно. Ох напрасно, господа!
Уж коль родился, – так стремись к высотам
назло вседневным мелочным заботам,
и собственную поверяй судьбу
судьбой великих, тлеющих в гробу.

* * *

Шепоток за моею спиной:
там свершается суд надо мной.

Кто бы как ни судил обо мне, —
не о главной судачат вине.

Вины есть у меня. Да не те.
И блукает судья в темноте.

Даже ежели свет в сотни ватт, —
перед ними я не виноват:

я у них не едал, не гостил...
А пред кем виноват, — тот простил.

* * *

Целый месяц было жарко,
как зимой мечталось.
Стали жухнуть листья парка,
чувствуя усталость.

И мечталось, чтоб подуло,
чтоб, уже не мучась,
небо с треском расстегнуло
молнии на тучах.

* * *

Приехали! – меня и там, и тут
по имени и отчеству зовут.
Но в детстве я непринуждённо рос,
и ненавистен мне официоз.
Вот почему я иногда хочу,
с прохожими порой встречаясь взглядом,
чтобы внезапно кто-то крикнул рядом:
«Здорово, Сашка!» – хлопнув по плечу.

* * *

Покуда тёплая, живая
душа не зрит загробной тьмы,
за временем не поспевая
всё молодечествуем мы.
И вот, отнюдь не чашкой чая
сорокалетье завершив,
живём себе, не замечая,
что этот сед, а тот – плешив.
Но ах! Не в седине и плешу
проблема. Чёрта ль в красоте?!
Мы думаем, что мы всё те же...
Нет! Мы уверены, что – те!
Какие «те»? А те, которым
ещё не трудно ни хрена
ночь скоротать за разговором
и за бутылкою вина.
Гремит пустая батарея,
висят табачные дымы.
И если кто-то и стареет,
так это жёны, а не мы...
Но дым рассеется когда-то,
растает хмель, осядет пыль,
наступит срок, настанет дата,
и жизнь предстанет непредвзято –
пуста, как винная бутылка.

* * *

Жил мальчик, образованный не слишком.
Хотел всего достичь своим умишком.
И достигал. Но открывал уныло:
всё, что открыл, — давно открыто было.

На первенство своё не строя виды,
воспринимал реальность без обиды:
уж коль земля от поисков изрыта, —
лишь то и ценно, что в тебе сокрыто.

* * *

Я холода боюсь... Не холода могилы,
но холода зимы, но холода воды,
но холода людей, что прежде были милы;
годов, что охлаждают заветные труды.

Морозом на стекле витиеватый вензель
исполнен. Дует в щель. Промёрзли города.
И только от гробов — ни жалоб, ни претензий
не зафиксировано никогда.

* * *

Тот, кто отлавливает славу,
как рыбу скользкую из речек,
быть может, действует по праву,
но сам себе противоречит:
ведь раньше внутреннее зренье
подсказывало: не раскрыт
талант под чей-то взгляд и мнение,
а сам собою так устроен.

* * *

Пока одноколейный провод
мой голос до тебя дотащит, —
всегда у нас найдётся повод
сыграть в рулетку или в ящик.
Когда к любовному сюжету
нас развернёт судьба без фальши,
в известном смысле смысла нету
осмысливать — что будет дальше.
А дальше — только дольше мука.
А дальше — как тоннель без света
в конце... Алло! Алло! — ни звука.
Алло! Алло! — и нет ответа!

* * *

А все эти балетные поддержки,
и эти все на сцене обниманья
так далеки от судорог любовных,
как фехтованье от кровавой сечи.

И вот, домой вернувшись из балета,
или в чехол засовывая шпагу, —
себя ты считаешь человеком.
О, как ты ошибаешься, зверюга!

* * *

Я люблю прогулки у реки
не благодаря, а вопреки.
Вопреки, а не благодаря
здесь над лесом вызрела заря.
Вопреки всему благодарю
этот лес, и речку, и зарю.

* * *

Пока её рука его ласкала, —
он верил, что любим...

В конце ж концов —
она ушла, и нонича в Ла Скала
ласкаема руладами певцов.
И ходит кот вокруг запертого дома,
как по цепи, и ждёт, сбиваясь с ног,
когда та женщина, что им искома,
протиснет ключ в заржавленный замок.

* * *

Судьба такой показывала кукиш,
что красотою нас уже не купишь,
и наше сердце — броневой металл.

С восторгом говорят: «Ах, что за диво!
Не правда ли — красива?»
Да, красива...
Но где-то это я уже видал...

* * *

Воспринимали неохотно
меня в миру.
И я умру бесповоротно,
я весь умру.
В горсти – остатние годочки
от жизни той.
И не останется ни строчки,
ни запятой.

* * *

Я во-первых, во-вторых и в-третьих
и не критик, и не теоретик,
и за мною есть позорный фактик:
я всего лишь действующий практик.
А у практиков всему основа –
понимать друг друга с полуслова;
а порою, если очень надо,
понимать друг друга с полувзгляда;
а бывает, что имеет место
даже пониманье с полужеста.
Вон Горбовский: пробурчит невнятно,
да рукой взмахнёт...

И всё понятно!

* * *

Нам любы споры в час досуга.
Но неизменно, всякий раз,
мы вглядываемся друг в друга,
и, глядя, не отводим глаз.

Мы дружбою за дружбу платим.
И хоть сплошной табачный дым
висит, но недоброжелатель
нам виден зреньем боковым.

* * *

«Неласковая, вроде, —
ни тронуть, ни обнять...»
Так говорят в народе.
Да разве им понять?!

Я буду терпеливым.
А на исходе дня
бессонницей счастливой
ты одаришь меня...

* * *

Эх,
и что за ночь лихая!
Ветер дует, не стихая.
Задремав уже, – услышу:
отколупывает крышу.
Но беспечностью блесну –
крепко-накрепко усну...

...Продеру глаза.
И что же?
Был ли я не прав когда? –
бурей дом не уничтожен,
и погода – хоть куда!

* * *

На себя со стороны
посмотрю –
грызёт тоска,
ощущаю – глубины
не хватает мне пока.

И мечусь туда-сюда,
то люблю, то разлюблю –
так осадки иногда
не хватает кораблю.

* * *

Немеют дёсны от рябины,
а цвет у ягоды – багров;
лениво в лужах тают льдины,
на травах – инея покров;
в спалённом осенью на треть
лесу – позамерзали звуки,
и коченеющие руки
ничто не в силах отогреть.

НОВГОРОД

На покой уже пора бы...
Ковыляют вдоль реки
покосившиеся храмы,
как хромые старики.
Века шум для них не плох ли
у когда-то плавных вод?..
Онемели и оглохли
от строительных работ,
и стоят тихонько с краю,
прикусив колокола,
и, как лысины, сверкают
золотые купола.

* * *

Опять зачерствела на речке вода...
Но грянет, нагрянет весна. И тогда,
когда откровеннее станет тепло,
припомнит речушка своё ремесло.
Увидишь: вот льдины по ней понесло,
вот глади впервые коснулось весло...
Захочешь – купайся, расплёскивай, лей...
И солнце светлее, и всем веселей.

* * *

Знаю, всем нам не в новинку,
как и в прежние века,
заломать в полях былинку,
раздавить в лесу жука.
Что ж, – случается любое...
Этот мир, – ведь он каков? –
может, кто-то нас с тобою
наблюдает, как жуков...

* * *

Под ногой хрустит валежник,
светит солнце, мох прогрев...
Средь прилизанных, прилежных,
одинаковых деревьев

не обрёл себе покоя,
потому забрёл сюда...
И случится же такое
иногда!

Даже в городе опрятном
сердце разума умней:
душу лечат беспорядком
этих веток и камней.

* * *

Как шкодливые коты,
углядевшие друг друга,
спины выгнули мосты
наподобье полукруга.

Каждый опытен и лих.
Но стоят и лапы моют,
ибо сдерживает их
назначение прямое.
Так стоять им долго-долго...

Вот что значит чувство долга!

* * *

Томим какой-то смутной жаждой,
стишок на случай сложит каждый –
на смерть, рождение, банкет...

А ты, поэт, себя не мучай
и не пиши на каждый случай:
стих – самый искренний и лучший –
случайно явится на свет.

* * *

Подснежник так нежен,
что никнут его лепестки,
лишь стоит сорвать
этот первый из первых цветков.
В стакане с водой
оживёт на мгновение одно,
и вновь засыпает.
И вянет уже навсегда.
Пусть рос бы на склоне
среди восходящей травы,
иль радость
без примеси грусти –
не в радость для нас?

* * *

Весна атаковала громко,
без объявления войны,
и, как снарядные воронки,
во льду дымились полыньи.
Как знамя, —
тёплый ветер вился
над головою у меня,
и, как отстрелянные гильзы,
сосульки падали, звеня...

* * *

Любовь слепа... И смерть незряча...
А мы живём, себя не пряча,
за ними сами не следим,
а видим свет. И слышим звуки...
Так что же странного, что в руки
и к той, и к этой угодим?

АЭРОПОРТ

Ну хоть бы что-нибудь я понял,
когда японец мне японил.

И я чуть не туда уехал,
когда мне что-то немец шпрэхал.

И я глаза до щёлок сузил,
когда мне кто-то там французил.

Ну а потом сложил три пальца
на пришепёты португальца.

Меж тем китайцы в этом гаме
меня покрыли матюгами.

* * *

Здравствуй, творческий процесс!
Я сегодня еду в лес.
Не желаешь ли со мной
прокатиться за весной?
Не желаешь?..
Ну, пока...
Бледен ты от табака.
Ты, сонливый, как медведь,
пробудись хоть на мгновенье,
чтобы и у вдохновенья
щёки стали розоветь!

* * *

Снова на излёте лето,
и земля уже не та:
скорбно-мрачные цвета,
мало солнечного света...

Близкой осени примета –
листья солнечного света.

* * *

Светает. Надо просыпаться.
День будет, видимо, неплох.
Вовсю трещат стручки акаций,
и просыпают свой горох.

Часы на дольки время делят.
Луна исчезнуть норовит.
И лучик солнца на постели
сквозь шторы струйкою пролит.

* * *

Потух гребешок петуха,
как на ночь задутая свечка;
утихла сухая стреха,
и Шарик свернулся колечком;
деревья качаются в такт
ветрам, встрепенувшимся сонно,
и солнце, как медный пятак,
запряталось в щель горизонта.

* * *

...между тем, вот что происходило
в ноябре: из подворотен дуло;
солнце не горело, а чадило;
людям было зябко и сутуло;
Летний сад донельзя оголился;
в памяти всплывали строки Фета;
ливень неостановимо лился;
в Аргентине наступало лето...

* * *

Люблю природы шалости:
в них нет ни капли зла.
Цветами побежалости
вдруг рощица пошла.
Подобные явления
мы видим каждый год,
но чувство удивления
в нас жить не устаёт.
А если в лес являться,
то тут – не без борьбы:
под листьями таятся
хитрющие грибы.
А вставши спозаранку,
чтоб снова в лес пойти, –
наткнёшься на поганку,
что встала на пути.
Но я-то знаю цену
поганому грибу –
ногой его поддену
и далее гребу.
Тут, не особо силясь,
поймёшь, продолжив путь:
грибы договорились,
чтобы тебя надуть.
И лист, и тень, и пень им –
как для зайчишки прыть.
Так запасись терпением,
чтоб их перехитрить...

Пригорком и низиною,
и с радостью в душе
с наполненной корзиною
спешу домой уже.

* * *

Мы ярким днём ослеплены.
И потому не видим ночи.
Но мраком быть она не хочет...
А мы – осваиваем сны.
И если даже холодна
она – ладони отопрею...
Не ночь, а темнота страшна,
и те, кто пользуются ею.

* * *

Та осень на грибы была щедра.
Мы насолили целых три ведра –
подобное припомнится едва ли.
Я в лес входил, испытывая шок...
Ах да! – ещё сушёных был мешок,
и банки маринованных в подвале.

Итак, я отправлялся по грибы
один, без надоедливой гурьбы
людей, аукавшихся то и дело,
когда и надо, и не надо. Мне
сподручней было быть наедине
с собой. Лишь солнце на меня глядело.

И дело было не в грибах, а в том,
что горький воздух поглощая ртом,
я впитывал начавшуюся осень,
как истинный участник, а не гость,
приветствуя и лист, летящий вкось,
и неожиданную встречу с лосем.

* * *

Оттепель. Обманутая птичка
тенькает, приветствуя весну.
Что это? Инстинкт или привычка?
Думаю.

Вздыхаю.

Не усну.

Ведь ещё февраль. И ветка тычет
голым пальцем в небо, в никуда.
Надо бы отвыкнуть от привычек.
Тотчас же.

Навеки.

Навсегда.

Станет просветлѐннее и проще.
Никаких сомнений и забот.
Но звенит пичуга в голой роще.
Верит.

И поёт.

Весну зовёт.

* * *

Вот ящерица (местный крокодил)
юркнула в щель; лягушка проскакала;
кот Яков где-то шлялся целый день,
а тут явился, ждёт, когда покормят;
соседский пёс маячит у калитки:
его однажды костью угостили,
с тех пор сюда таскается понуро;
вот чудище по имени Медведка
повадилось обглаживать картошку;
вот червяки различного размера;
вот муравьи, таящиеся в грядках;
а вот и шмель, жужжащий над цветами;
а вот и ёж, живущий под сараем;
а вот и крот, изрывший наши грядки...

Вот каково густое население
страны зелёной и разноплеменной
по наименованью Огород.

РЕЧОНКА

Пусть она весьма узка,
пусть извилиста, как змейка,
ну а всё-таки – река.
Обозвать ручьём посмей-ка.
И когда из-подо льда
вновь объявится река мне, –
снова обтечёт вода
обтекаемые камни.
Снова ива, наклонясь
над затоном, ветви свесит,
и плеснёт под ивой язь
раз, и два, и три, и десять.
Доживём ли до жары –
я загадывать не буду,
но уже опять бобры
оборудуют запруду.
У природы все азы
выверены без проверок –
и полёты стрекозы,
и скольжение водомерок.
Всё приходит в свой черёд,
не по нашим дням и числам.
То, что надо – настаёт
с тонким умыслом и смыслом.
Мне ж об этом – ни гу-гу...
Ну а я, жуя окурок,
всё сижу на берегу,
как какой-нибудь придурок.

* * *

Не слажу с горем,
хоть и хочу...
Ни с кем не спорю –
молчу, молчу.

Духовной жажды
иссяк напор,
и рвётся каждый
окончить спор.

До нитки выжат, –
затих, сипя...
И каждый слышит
себя, себя.

* * *

Покудова король Диниш
ещё обдумывает лишь
посадку корабельной роши, —
уж Ибн Баттута тут как тут:
морские ветры мачты гнут,
и брызги паруса полощут.

Европа робко ищет путь,
чтобы на Индию взглянуть,
который век о том мечтая.
А Ибн Баттута тут как тут:
он покидает Каликут,
спеша добратся до Китая.

То — по морям, то — по пескам.
И так — всю жизнь. Чего искал?
Зачем менял маршруты круто?
Зачем ему неведом страх?..
Об этом ведает Аллах,
как прежде ведал Ибн Баттута.

* * *

Ветры в снастях загудели.
Бодры командные клики
при короле Мануэле
и при инфанте Энрике.

При короле Мануэле
и при инфанте Энрике
долго на Запад глядели.
Были надежды – велики.

Было: садились на мели,
мачты ломались, как пики,
при короле Мануэле
и при инфанте Энрике.

При короле Мануэле
и при инфанте Энрике
сплавали, мир поглядели –
грозный, волшебный и дикий.

Баста! Добрались! Табаньте!
Вот вам – и горы, и реки!..
При короле и инфанте
в том героическом веке.

* * *

У смерти оказавшись в лапах,
дурной приобретаешь запах,
и отворачивают нос
все, кто когда-то рядом рос.
А те, кому дарили ласки, –
отводят нос, потупя глазки –
уж ведь какая стыдоба:
планировались не гроба,
а что-то посветлей, послаще,
но счастье заплутало в чаще,
где чаще горе и беда...
Такая штука, господа.
Но Достоевским и Толстым
уже исследовано это
в то время, как сего предмета
никто касаться не хотел:
эстетика гниющих тел
непопулярна в мире нашем –
растерянно рукою машем,
поскольку для любого страшен
нас ожидающий удел.
Чего же, собственно, страшиться?
Ведь жизни жидкая кашица
не думает загустевать.
И, отправляясь на кровать
в надежде сладко почивать, –
желать ли с жизнью ужиться?

* * *

Было нам по восемь лет.
Лес.

Окоп –
 недавний след
чьей-то обороны...
Мы искали пистолет
и к нему – патроны.

Для чего он нужен был,
мы не знали толком.
Быстро выветрился пыл
рыться в дёрне колком.

И превратностей судьбы
побороть не силясь, –
на чернику и грибы
мы переключились.

МОТОКРОСС

То с горки, то на горку
разбитой колеёй.
Витает дым прогорклый
извившейся змеёй.
А ну, ещё поддали,
летающие в пыли!
Пусть отлетят педали,
сломаются рули!
И тут одна дилемма,
для всех одни права –
чтоб под прикрытием шлема
варила голова.
Всё может быть на свете.
Но ведь не каждый день
валяются в кювете
с башкою набекрень.
Зато уж руки-ноги
в опасности – всегда,
что для такой дороги
логично, господа.
Но, ускользнув от рока,
счастливый и немой,
ты выдохнешь глубоко
на финишной прямой.

* * *

Дуб, граб, бук...
Кто мне друг?
Бук, дуб, граб...
Тот, кто слаб.
Бук, граб, дуб...
Я с ним груб.

* * *

С. Е.

Что я в багаже своём имею,
вылезши однажды из-за парты?
В шахматы и шашки – не умею.
И не увлечён игрою в карты.

Написал стихов большую кучу
и пустил их странствовать по свету.
Прозвучу ли, если их озвучу? –
никому неинтересно это.

Что-то, видимо, со мной неладно,
я не вижу – чем могу гордиться.
Говорят, что если кто талантлив,
тот в любое дело пригодится.

Я ючусь в эпохе неудобной.
Мне компьютер другом зря подарен.
Человек неглупый и способный
должен быть хоть в чём-нибудь бездарен.

* * *

О чём бы нам беседу повести?
Приносит каждый день дурные вести.
Поэтому душа и не на месте.
Но что же болью пред тобой трясти?

Мой дорогой, уж ты меня прости,
но мы друг другу говорим без лести
что думаем, – наверное, лет двести.
Поэтому и честь у нас в чести.

А чаще, по десятку раз на дню
мы слушаем пустую болтовню,
иль трепотню, иль шум пустого спора.

Вот почему и хочется вдвойне
обосноваться с другом в тишине
для содержательного разговора.

* * *

С пароходством,
но морским,
у речного пароходства
приблизительное сходство.
Пусть гордится и таким.

Но, приняв за пустяки
допустимые натяжки,
вызывающе тельняшки
натянули речники.

Потому-то, потому
по реке,
по мере силы
и крейсируют буксиры,
прокопчённые в дыму.

* * *

Между озером пресным и вкусным,
между морем, солёным на вкус,
бродит ветер со свистом, и с хрустом
пригибает ореховый куст.
Здесь живут непугливые лоси,
рысь таится на ветке.
Сюда
мои мысли частенько заносит,
и доносят меня поезда.

Можно звать и костлявой, и тощей
эту землю. Но эти места
я люблю: и суровой, и проще,
экономнее их красота.
Да и что нам до скользкого лоска,
да куда мы от снега и мхов,
если столь же проста и неброска
плоть рождаемых нами стихов.

* * *

Смельчаков – хоть пруд пруди,
коль геройствовать не просят...
Ну-ка, вечером пройди
по лесным проспектам просек.
Где звенели песни пил,
где топор стучал, как дятел, –
лес, чернея, подступил...
Ну, теперь держись, приятель!
Озадаченный сперва,
остановишься, испуган:
чащи две друг против друга –
словно Русь и Татарва.
Ох, зачем пришёл сюда?
Вдруг сойдутся, и тогда ведь
корневищем без труда,
как копытами, раздавит...
Но в слепые вечера
ободряюще из леса
светят, как прожектора,
чуть сочащиеся срезы.

* * *

Застарелою астмой сипя,
на природу выводишь себя –
подышать, повздыхать, осмотреться,
поваляться на травке, раздеться,
ровно часик на солнце погреться,
ну а после дорогой прямой –
на вокзал, и оттуда – домой.

Впечатлениями обеспечен,
ты везёшь свою желчную печень.
Мчится поезд, пылищу клубя.
Путь из пригорода недолог.
Возвращайся, природы осколок.
Не приемлет природа тебя.

* * *

Светились купола
торжественно и ровно,
и эта ночь была
как негатив огромный.

Шёл белый теплоход,
пыхтя, как тихий злюка.
На палубах народ
свистел и улюлюкал.

Затейник в микрофон,
осилив шум машины,
как старый граммофон,
пел голосом фальшивым...

А ночь была бела.
В раздумье молчаливом
размерено плыла
над ветреным заливом.

Приход её, уход –
всегда величья признак...

Шёл белый теплоход,
как недовольный призрак.

ВЕСНА

Подобно тому,
как пышнотелые красавицы
превращаются
в сморщенных старух, —
роскошные сугробы
постепенно темнеют и съеживаются,
и вот уже земля,
освобождённая от снега,
лениво потягивается каждой травинкой,
а желторотые почки
хором выклянчивают у солнца
тепла,
тепла,
тепла.

* * *

Наступают холода,
словно белая беда...

По утрам уже не тает,
льдинки тонки и чисты.
На углах приобретают
предпоследние цветы.
Продают цыганки розы
не по розничной цене,
и за глупые вопросы
выговаривают мне:
«Ишь, нашёл спросить о чём —
где да как, да что почём!»
И суют букеты силой,
и кричат: «Иди сюда!
Покупай цветы, красивый!»

Наступают холода.

ДЕТСТВО. 1952

Была дружна и стойка наша рать,
когда в войну сходились мы играть.
В соседнем с нашим двориком дворах
мы на мальчишек наводили страх.

Вражда необоснованная та,
я помню, появилась неспроста:
её поставить надобно в вину
тогдашним кинофильмам про войну.

О, как мы были все поглощены
экранном воплощением войны!
Разрывы бомб, ружейная пальба,
с повыбитыми окнами изба,
и, наконец, зловещий чёрный дым
над всем изображением цветным...

Нам резвость удиравшей немчуры
была как лучший стимул для игры.
Я дома доску зажимал в тиски,
выпиливал винтовку из доски,
большим ножом выстругивал кинжал,
а к вечеру на улицу бежал:

нас ожидало, что ни говори,
сражение с домом № 33.
На клич призывный, деревянный звон
сбегалась ребятня со всех сторон.
Потерями служили каждый раз
царапина или подбитый глаз.

И в гулкой подворотне дотемна
мы бились, и отважны, и упрямы,
пока не пресекали из окна
конфликт вооружённый наши мамы.

ИЗ ЮНОСТИ

Неплохо у меня язык подвешен.
Я и у муз порой бывал в чести.
А вот молчу, и хмур, и безутешен,
и слова не могу произнести.

Конечно, иногда и без умолку
болтаю. Но для этой болтовни
ума не надо. Чувства – тоже. Толку
нет от неё – откуда ни взгляни.

А лишь с тобою встретиться настанет, –
в коленях дрожь. Твержу себе: «не трусь»,
но языком, присохнувшим к гортани,
я даже и пошевелить боюсь.

И ежели приветствия простого
проямлить тихо не хватает сил,
ужели б то, единственное слово
я напрямик тебе проговорил?

Будь счастлива. Ведь я тебя не стою.
Пусть в прозябании свой путь продлю...
А, кстати, слово до того простое.
Быть может догадаешься? –

.....!

* * *

«Здорово, приятель! Откуда?» – «Из лесу, вестимо.
Лишь там обретёшь обстановку уюта, интима...»
«Поведай, зачем же тебе одиночество это?»
«И чувствую я, да найти не умею ответа.
То вы языками вертеть насобачились ловко,
а мне не даётся простейшая формулировка.

Язык же искусства, признаюсь, мне тоже неведом.
Стихи монотонными кажутся, музыка – бредом.
Вот живопись – нравится, но – рисовать не обучен,
и радуюсь немо деревьям, и водам, и тучам,
и думаю малость о том, о другом и о третьем,
и, вроде, в ладах с этой жизнью
и с этим столетьем...»

О, я бы хотел, чтобы путь мой был ясен и ровен.
Я дело хотел бы иметь с распиловкою брёвен,
с весенней землёю,
что вспахана мной под картошку,
дрова я готовил бы, дом подправлял понемножку,
детей бы воспитывал, или ходил за коровой,
а дома, устлав половицы дорожкой ковровой, –
читал вечерами, от мира вполне независим,
да изредка брал бы перо – для писания писем.

Но стоит заняться простыми делами, как следом
торопится музыка, что не мерещится бредом.
А следом за музыкой, передохнуть не давая,
в душе закипает другая волна – стиховая...

И остановлюсь.

И стою.

И гляжу на окрестность.

Ах, Боже ты мой! –

до чего же красивая местность!

И радуюсь травам высоким и елям могучим,
всё чаще жалея, что был рисовать не обучен.

СЕНТЯБРЬ

Ветер гонит нестиранные облака,
сдирает с деревьев листву.
Деревья тянутся за ними,
как женщина
за сорвавшейся с головы шляпкой.
Ещё не холодно,
но мы непроизвольно
втягиваем руки в рукава.
Но ещё не холодно,
покуда согревают воздух
раскалённые гроздья рябины
и неярко светят
газовые горелки
голубых астр.

* * *

Вы мне не знакомы, я вам не знаком –
простите за то, что пристал с пустяком,
но

бывают моменты, когда необходимо
срочно

поделиться впечатлением

о чём бы то ни было.

Посмотрите, пожалуйста, во-он туда:
видите? – на краю поляны ельник,
а перед ним неясные бурые пятна?..

Что вы! – у меня хорошее зрение,
я знаю – это деревья с голыми сучьями,
но замечательно, что они
удалены от нас с вами настолько,
когда мы не способны различать
отдельные ветви
и одинокие серые листики,
скрюченные и цепляющиеся ещё за дерево
в надежде непонятно на что...

Разве не прекрасно,
что мы имеем возможность
дорисовать детали воображением?

* * *

Люблю, когда снаружи слякоть,
о том с тобою покалякать,
о чём в другие времена
не говорилось без вина,
когда, почти неощутимо,
проскальзывало что-то мимо,
и было нам не уловить
животрепещущую нить...

Когда ж слепыми вечерами
ноябрь мечется ветрами, —
тепло июля вспомнишь ты,
лбом прислонясь к оконной раме...
И — ток душевной теплоты.

* * *

Всё в этом доме было мило,
хотя порою печь дымила.
Но стоило окно открыть,
и струйка, гибкая, как кошка,
легко сигала из окошка,
свою показывая прыть.

Итак, в домишке было мило...
Но что со мной происходило? –
сюда стремился я давно,
мне этот край до слёз был дорог,
а вот поди ж – тянуло в город,
как дым в открытое окно.

Такие случаи нередки.
Что из того – где жили предки?
Регенерировали клетки
в мозгу, и всё изменено,
и стала родина чужбиной,
и долго с равнодушной миной
гляжу в закрытое окно.

* * *

Поглядите – что за диво! –
замусолен и нечист,
из окна локомотива
Маше машет машинист.

Ну а Маша, тише мыши,
едет поезду вослед,
и под нею еле дышит
и скрипит велосипед.

Не минуют горькой чаши:
уж беда, иль не беда –
тот, кто Маше машет – Маши
не увидит никогда.

ПСИХОЛОГИЯ

«Стало прохладно...
Ну да и ладно!
Осенью поздней
станет морозней.

Как нам, ребята,
до декабря-то?
А в январе-то
долго до лета...»

Я эти строки
в летние сроки
стряпал. До пота
эта работа.
Травы – как порох.
Жарко! Под сорок!

* * *

Когда открытие делал Мендель,
процесс был чрезвычайно медлен,
непредсказуем результат.
Ведь опытов не делал этих
ещё никто. Теперь генетик
умелей Менделя стократ.

Но в общем-то я не об этом.
Есть озабоченность предметом,
точнее – состояньем дел:
скачок проделала наука.
Коллеги же о том – ни звука.
Итог – забвения удел.

Но абсолютного итога
на свете нет, коль мыслить строго,
и вряд ли есть всему предел.
Пребудет многое во многом,
когда монах подвигнут Богом
к свершению великих дел.

НОЧНОЙ ЧЕЛОВЕК

Это не тот, от кого шарахаются спешащие
с последнего трамвая женщины;
это не тот, кто до утра провожает, и никак
не может проводить любимую;
это не тот, кто всю ночь не может уснуть,
ворочаясь
с боку на бок и вспоминая свои обиды;
тем более это не беспечный гуляка,
просиживающий
с приятелями за картами и вином...
Это тот, кто когда-то испробовал всё,
что я добросовестно перечислил,
но ничем не удовольствовался,
и теперь, недовольный собой,
сидит на кухне за столом,
изредка прислушиваясь к звуку
падающих из крана капель.

* * *

А надо побыть иногда одному,
чтоб стало просторно
душе и уму.
Но, тропкой пустынной
по лесу идя,
не стоит чураться
грозы и дождя,
и высвиста птиц,
и шуршанья травы,
и ветки,
что шапку собьёт с головы.
Ты принят в оркестр.
И в данный момент
молчанье твоё –
это твой инструмент,
и всё,
что трещит,
и свистит,
и поёт,
расслышит его
и как надо поймёт.

ФИЛОСОФИЯ

*Если кто философствует,
то это значит,
что он не понимает.*
А.П. Чехов
«Скучная история»

*– А чем он занимается?
– Философствует.
– Что вы понимаете под этим словом?
– Много думать и ничего не делать.*
Ф. Дюрренматт
«Судья и его палач»

*Смеяться над философией – значит
истинно философствовать.*
Блез Паскаль

* * *

По непроверенным данным философия изобретена
древними греками.
Древнегреческие философы образовывали свои
тихие школы, и к чужим взглядам
относились: снисходительно, иронично,
равнодушно, критично.
Но – не агрессивно.
Мало того, в их понятиях не было даже такого
слова: «терпимо».
Было ощущение простора.
Свобода миролюбивых мнений и есть демократия.

Верили в своих богов, размышляли об устройстве
мира,
натываясь на поразительные догадки,
опережающие современные представления.
Искали Истину.

Соседям их, римлянам, любителям помахать
мечами,
захотелось мир посмотреть и себя показать.
Римлянам не надо было лезть в Иудею,
где и подхватили они свежую идею,
где коснулось их тлетворное влияние чуждых
цивилизаций,
и, пребывая в эйфории, дали они пинка под зад
своим богам...

То-то поднялся гам!

Дело двинулось не без труда...
Что же стряслось тогда?
Вдруг всё стало как-то отлого:
Изгнали богов, поверили в единого Бога.
И начало-о-сь!
Как будто сдвинулась невидимая ось.
И философия предстала химерой:
главное – в Бога веруй!
Стало наличествовать католичество,
переходящее в такое качество,
что, мол, все вокруг дураки и невежды
и только у них на истину открыты вежды...
Биться за веру было не лень им.
Но вдруг единый Бог стал размножаться делением.
Подошло Православие.

И пошла разноголосица:
Запад на Восток косится.
Те – этих, эти – тех винят в обмане...
А тут подоспели и мусульмане.
Христиане же пошли вразнос и не могут
угомониться:
всё им мнится,
что если кто-то не так крестится
или считает деву Марию первой Христа, –
значит – и вера не та.
А следом поползли разные мутанты:
Кальвинисты, англикане, гугеноты, лютеране
и прочие протестанты.
Да чёрт бы с ними, если они не одинаки!
Но ведь передрались же, как собаки.
И всё – под крестом, именем Христа.
Словом, – одна скукота.

И вот что интересно:
всем снова стало тесно.
Тут уж не до философий –
Сиди и молча пей кофий
или прогуливайся у реки...
Вот тут и появились большевики...
Впрочем, идеи Беркли
до сих пор не померкли.

Ни от кого ни капли не завишу
в том, как я ощущаю мир и вижу.
Не относясь к философам с презрением,
я дорожу своим мировоззрением...

А философии – не повезло:
всё время зло плодим себе во зло.
Мыслителей понаплодилось много –
откуда же такая безнадёга?
При таком раскладе
ссориться?
Чего ради?
Что делить, лоб набыча?
Да живи ты, храня свой обычай!
Тогда и Зевес
имеет вес,
годен
и Один,
и Аллах
при делах,
да и без Христа
жизнь пуста.
Есть место и другим прочим.
Так из чего хлопочем?

На эту тему
мне быть бы нему.
Но, теме чуждый,
мой стих ненужный,
ничуть не силясь,
зачем-то вылез.
У нас, философ,
к тебе вопросов
поднакопилось.
Уж сделай милость,
поведай кратко –
тебе не шатко?

И как наука?
Не душит скука?
А как успехи?
В умах прорехи?
Пусть мысли пышут,
и все всё слышат,
а, тем не мене,
всё всем до фени...
Вот сколь убоги
твои итоги...
А как мажорно
взрастали зёрна!

* * *

«Критика чистого разума» мне не даётся.
Делаю скидку на собственное идиотство.
Как ни кантуй сочиненья великого Канта,
но человек озабочен о нас. Ну а нам-то...
Нет, никогда не прослыть мне интеллектуалом!
Что же мне делать? А дело осталось за малым:
не отвечать на хулу, не жаждать оваций,
быть человеком, и – таковым оставаться.

ПОРТРЕТ

Неглуп и образован. Симпатичен.
Да и любых других достоинств тьма:
порядочен; и без дурных привычек;
литературу любит без ума.

Он ею жив. Она его отрада.
Поскольку и не курит, и не пьёт, —
он знает всё, чего стихам не надо,
а также то, чего недостаёт.

И вот, внимая авторскому чтению,
следуя за ним отнюдь не без надежд,
заёрзает, ещё не без почтенья
спросив: а философия-то где ж?

Но я себя оправдывать не буду.
Что мне до философии? Она
и без меня присутствует повсюду,
как соль в морской волне растворена.

А он своё неумолимо гнёт...
О, наших представлений тяжкий гнёт!

Под переубеждением не гнётся —
настолько в нём уверенность крепка...
Послать его — язык не повернётся.
Дать в рожу — не поднимется рука.

* * *

Я факты соберу. А после их сложенья –
хотите? – сообщу свои *соображенья*.
Есть вороха проблем, которые понять я
стремлюсь, чтоб довести до вас свои *понятья*.
Как часто спорим мы – и рады, и не рады, –
когда отстаиваем собственные *взгляды*.
А иногда, глядишь, не зная даже – кто вы, –
мы *мнение* своё вам высказать готовы...
Да нам и без того найдётся чем гордиться:
обычаев – не счесть, не сосчитать *традиций*.
А то – порой смешны, а иногда и жутки, –
во всё суют носы тупые *предрассудки*.
Когда же это всё мы вдруг однажды сложим,
то сумму объявить *мировоззрением* сможем,
чтоб убедиться вдруг, взглянув по сторонам,
что философия без надобности нам.

* * *

Поэтическим воображением
я с собой этот мир мирю.
По этическим соображениям
я об этом не говорю.

Говорю что-то постороннее,
не имеющее отношения,
и спасает меня ирония,
и с собою её ношение.

Я ношу её, как бутылочку
с укрепляющими напитками,
ну а жизнь — тюк да тюк
по затылочку,
по головке с мозгами жидкими.

Ну а что уже так разжижено,
то в крутую кашку не сварится,
и у неба прошу униженно:
дай хоть разумом отовариться.

* * *

Человекоподобный
и прямоходящий,
для других неудобный,
часто – ненастоящий,

я пещеры не рою
и привык одеваться,
но как трудно собою
навсегда оставаться.

Хочет бедный мой разум
улизнуть из-под власти.
Тут и вклинятся разом
злые страсти-мордасти.

И особенность эту
тудюю-сюдою
всё таскаю по свету
с головою седюю.

* * *

Николаю Крыщуку

Не столько образован, как начитан,
от огорчения не бью копытом,
не рву волос из твёрдой головы,
не прикрываюсь жалобой жалкой,
а пользуюсь своей соображалкой,
когда прогуливаюсь вдоль Невы.
Ну а когда устану в этом гаме, –
я дома тоже шевелю мозгами,
пока они, болезные, скрипят.

А ежели процесс клонится к стрессу,
я соберу рюкзак, поеду к лесу,
где, заодно, и настригу опят.
Зато уж никому – и слава Богу –
ни разу не пересекал дорогу,
и с сигаретой, стиснутой во рту,
варю обеда, занимаюсь бытом,
не льну, как прилипала, к знаменитым,
жалею близких и великих чту.

* * *

Эристик, чтоб остаться чистым,
не связывается с софистом,
его обходит стороной.
Пусть у софиста голос зычен,
но тот, кто калокагатичен,
всегда стоит к нему спиной.
А если говорить по-русски,
наш ум усушке и утруске
подвержен был уже давно.
Так уж признаемся, не прячась,
что от ума — из прочих качеств —
трюкачество сохранено.

* * *

Полжизни, помнится, по крайней мере,
испытываю недоверье к вере.

Твердят: не надо верить, надо знать.

Но знания – неполны и неточны,
под ними не увидишь прочной почвы,
как ни старайся нобелевцев рать.

И вот, – куда прикажете нам деться,
когда нам голову морочат с детства
то верою, то знаньями грозя?

В учёные податься? Иль – в монахи?

Везде перед действительностью страхи.

И то, и то – неверная стезя.

Ведь за базар учёный не в ответе.

Известно: эти физики – как дети,
и, может, лишь Господь определит, –
куда ведут приманчивые арки...

Я не возьмусь судить о Патриархе,
но твёрдо ль верует митрополит?

РЕМЕСЛО

* * *

Когда особо тяжело мне,
когда неодолима грусть,
лечусь я «Домиком в Коломне»
и «Графом Нулиным» лечусь.

Когда хожу я туча-тучей,
и сердце от тоски болит,
то стих Языкова летучий
меня всегда развеселит.

Не внемлю ничьему совету.
И если духом не здоров, —
приемлю терапию эту
и обхожусь без докторов.

* * *

Старик Державин, дедушка Крылов,
а к ним Жуковский и Денис Давыдов,
большую груду разноцветных слов
однажды в свет неудержимо выдав,
не ведали, что скоро им в ответ
придёт мальчишка незрелых лет.

Так. Ну а если бы ни одного,
ни старика, ни дедушки на свете
не появилось бы? То, кто его
заметил бы, отметил и приветил?
Неважно... Без него мы ни ногой.
Ничто не сдержит раннего из ранних.
Он тоже был бы Пушкин. Но другой.
Неведомый... И всё-таки – избранник
!

* * *

Иван Дмитриевич Митрофанов
живёт в моей душе, во тьму не канув.
Он слесарь был. На пенсии уже.
И был поэтом. Явно и в душе.

Иначе говоря – меж прочих дел
вполне уверенно пером владел,
знал цену слов, хоть в гении не вышел.
Он не любил слагать четверостиший.

Всегда попарно строки рифмовал,
чем огорчён нимало не бывал,
меня к своей методе приохотив,
против чего я был совсем не против...

Мир и покой тебе, любезный Дмитрич!
Ты видишь – память о тебе не выстричь
на весь мне Богом отведённый срок,
в чём и клянуся кипой парных строк.

* * *

Как сочетать, души не тронув,
игру ума с игрой гормонов?
Бывает так, что эти игры
весьма опасны, словно тигры.

Опасны тем, что ты, не слыша,
не ждёшь, — когда поедет крыша,
и среди бед иных и прочих
ты не напишешь славных строчек.

Но душу беспокоит что-то:
быть может, всё наоборот, а?
Быть может, всё-таки ко благу
швырять перо и рвать бумагу,
лишаться сна, не знать покою,
и даже плакать над строкою.

Но нам не надобно ответа:
мы принимаем то и это,
следуя, и не без интереса...
непредсказуемость процесса.

* * *

Собираясь что-то сочинить,
я порой теряю мысли нить.

Можно жить среди лесов и нив,
вовсе ничего не сочинив,
но, однако, дара не отнять
у того, кто может сочинять.
Что же делать с текстом, если он
был когда-то недосочинён?
А ещё важней: что делать с ним,
ежели он недосочиним?..

Я, своим сомнениям не вняв,
много кой-чего насочиняв,
никогда себе не изменю:
к сочинённому присочиню —
не пойму: шедевр? Или фигню?

* * *

Не семьсот ли семьдесят седьмым,
семьдесят вторым и тридцать третьим
мы порою надирались в дым?..
Было дело! Увлекались этим!

В магазине, всех опередив,
вермуту дешёвенькому в пару
наскребали на аперитив,
но пренебрегали «Солнцедаром».

Три Евгения и двое Саш,
два Володи, Дима с Михаилом,
да Олег – вот неизменный наш
круг, где всё пылало и дымило.

Так и собирались для бесед,
не тверёзы, но не бесталанны.
Умничали, бормотали бред,
головокружительные планы

строили, и верили: взлетим! –
всё возможно, что необходимо.
«Много пьём и многого хотим», –
как однажды высказался Дима.

И ничто не разлучало нас.
Друг на друга исподволь влияли...
Три Ирины было среди нас.
Те не пили. Только пригубляли.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ

Всё время что-то да мешало,
когда меж нами что-то было.
Любила, но – не уважала.
Не уважала, но – любила.

Она компанию водила
с отменными говорунами,
но это вовсе не вредило
любви, возникшей между нами.

Но, хоть она меня любила, –
существовала и граница:
ей в голову не приходило
со мною в обществе явиться.

Меж тем к моей весёлой музе
была настроена скептически.
Сей факт нисколько не конфузил
меня. Что, в целом, не типично.

Бывал я даже рад отчасти
хоть час побыть самим собою,
считая: надобно о страсти
писать с холодной головою.

И я не приходил в смятение:
давай, лети, куда хотела,
тем более стихоплетенье
не есть общественное дело.

Но, делая всё, что хотела,
она свела сюжет к итогу:
однажды шась! – и улетела
Навеки... Ну и слава Богу!..

Прошу простить за заморочки:
судьба моя была иною.
Всё это, до последней строчки,
нарочно выдуманно мною.

Со мною это никогда бы
случиться точно не могло бы.
А сочинил поэмку, дабы...
Ах, да не дабы, а для пробы,

Поскольку интересно – да ведь? –
и это каждому известно, –
хотя бы раз себя поставить
на кем-то занятое место.

Не знаю – чем ознаменую
такую лихость или смелость,
и почему судьбу иную
реконструировать хотелось?

Предположу, что стало тесно
в своей, насквозь протёртой шкуре,
а то, что сделано – и пресно,
и опостылело до дури.

Вот и сложил придумку эту
лишь на одном листочке чистом:
не всё же управлять сюжетом
рассказчикам и романистам.

ПОКАЯНИЕ

Скрывать свои пристрастья нет резона.
Я абсолютно чист на сей предмет.
Мы с Борхесом любили Стивенсона,
и в этом ничего плохого нет.
В означенную тему лихо въехав,
я раньше говорил и повторю:
близки мне Гоголь, Лев Толстой и Чехов.
О Пушкине уж и не говорю.
Наукой жизни я обязан многим,
чья мудрость через жизнь меня вела
с добром в душе и наставленьем строгим.

Но Достоевский не из их числа.
Он, радость жизни от людей упрятав,
трактует жизнь как муку, как недуг,
хоть истеричек, как и психопатов,
и без того достаточно вокруг.
От персонажей таких при встрече
шарахались бы в страхе все подряд,
услышав их нервические речи:
так в жизни никогда не говорят.
Он, может быть, хотел достичь предела,
до дна души достать: что там, на дне?..

Но ах! – совсем не в Достоевском дело,
и не в его исканьях. А во мне:
среди литературных разговоров,
когда о Достоевском речь велась,
я думал о себе не без укора,
что не способен выразиться всласть

а думал: что подумают, когда я
собравшись с духом, вдруг разверзну рот,
нещадно Достоевского бодая?
Подумают, конечно: «Идиот!»

Но сроку – срок. И срок для новых сроков.
И вот, в какой-то благодатный срок,
вернувшийся на родину Набоков
мне преподавал чувствительный урок.
И я себя оправдывать не стану.
Да, оробел. Да, струсил, идиот.
Набокову же всё по-барабану,
авторитетов он не признаёт.

Всё то, что я обдумывал безмолвно,
он высказал и чётко, и вполне –
без возмущения, спокойно, ровно...
А я – не смог... О, как же стыдно мне!
Кому – наука. Для кого – безделка.
Возможно, что и так... Да вот беда:
всё дело в том, что плавающий мелко
в простор морей не выйдет никогда.
(Замечу в скобках, чтобы поумолкли
насмешники, и разъясню, что он,
наш Достоевский, у меня на полке
стоит себе, никем не утеснён.)

СОЧЕТАНИЯ

Этот маленький цикл требует хотя бы небольшого предисловия.

С чего вдруг понадобилось российскому стихотворцу вплетать в русский стих неудобоваримые исландские слова, да ещё, подозреваю, с жутким русским акцентом?

Перекладывать исландские саги в русские стихи – полная чушь. А вот попробовать использовать какие-то фрагменты саг для довольно дикого замысла – увязать в один стих русскую и исландскую фонетику – показалось интересно и забавно.

Никаких глубоких задач автор перед собой не ставил, разве что – полюбопытствовать – что из этого может получиться.

Итак...

* * *

Исландия невелика –
для многих – крохотулька,
но лошадям намнётся бока,
спеша от фюлька к фюльку.

И вот галопом меришь даль
отнюдь не для рекорда
из Хьёрдархольта в Нордрардаль,
и так – до Боргарфьёрда.

МЕЧ ЭГИЛЯ

Острее нет меча, чем Драгвандиль.
Его в подарок получил Эгиль
от Аринбьярна. Путь меча далёк
от тех времён, когда он в руку лёг
Эгилю: храбрый Торольв им владел,
и меч не оставался не у дел;
отец Торольва, мудрый Скаллаgrim
небезуспешно пользовался им;
а Скаллаgrimу этот меч вручил
брат Торольв, что безвременно почил;
а Торольву, желая всех удач,
меч отдал Grim по кличке Бородач;
ну а воздвиг преемственности ось
отец Бородача – Кетиль Лосось.
С тех пор непобедимым стал Эгиль:
ведь нет меча острее, чем Драгвандиль.

ТЯЖБА

О тяжбе между Гуннаром и Хрутом
мы умолчим. Зато – каким маршрутом
без компаса и без подробных карт
из Хьярдархольта на Хауксадальсскард,
из Хлидаренди и до Хрутстадира,
чтоб кончить споры и добиться мира, –
на тинг явились. И при всём народе,
пред хавдингами, бондами и годи,
рассорились навеки, до предела...
Но это уж совсем не наше дело.

ИСХОД

У конунга Харальда жёсткая хватка.
Его повеленье некротко и кратко:
он – главный. А все эти ярлы и бонды,
что были свободны, теперь – несвободны
Смирился народ, подчиняется силе.
Чего уж никак не сказать о Кетиле –
зовёт сыновей своих – Хельги и Бьярна:
трусливая жизнь и глупа, и бездарна,
и с конунгом этим дожить до седин
поможет, быть может, лишь Один один.
Ну нет! На-ко выкуси, яростный конунг!
Мы знать не хотим непотребных законов,
не мешкая, грузим свои корабли
и – в море, на остров, что брезжит вдали.
И, парус поставив, отправились бодро,
чтоб вскоре добраться до скал Брейдафьёрда,
и, здесь поселившись, жить дружно и славно
в удобных и прочных дворах Бьярнархавна.

* * *

Вот так вот и язык сломаешь,
и изо рта повалит пар,
сказав, – чего не понимаешь,
к примеру – Мидфьордарейяр.

Как это можно? – сразу, сходу,
чего не сможет целый мир, –
произнести, как прыгнуть в воду,
к примеру: Сигмундарстадир.

Мелькают дни, идут недели,
и, кажется, – в делах ажур,
коль правильно, пусть еле-еле,
проговорю: Хардарфьордур.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Когда-то одна почтенная поэтесса возмутилась: «У Комарова слова обозначают не то, что они должны обозначать!» Но молодого поэта Александра Комарова тогда такая критика не смутила, а только порадовала — ведь так и нужно писать поэту: открывать в словах новые смыслы или воскрешать старые, давно забытые.

Именно в таком старом, исконном, смысле следует воспринимать название этой книги. «Общие слова» — это те самые слова, которые нас объединяют в единую общность, так же как общий язык или общий дом.

*У всех у нас на них одни права:
ведь это наши, общие слова.*

Читателя, только взявшего книгу в руки, это название может отпугнуть. Что еще за «Общие слова»? А где же *лица необщее выражение*? Но эта двусмысленность — иронична, как ироничны многие стихи Александра Комарова, хотя вопросы, которые они поднимают, подчас весьма серьезные.

Действительно, поэт говорит со своим читателем именно на *общем*, понятном языке, не чураясь разговорной интонации. И темы, поднимаемые в стихах, тоже *общие* — о жизни и смерти, о творчестве, о человеческих взаимоотношениях.

Но интерес автора вызывают также и *необщие* слова. В частности — имена собственные. Так мы встречаем на страницах его стихов композитора Букстехуде, инфанта Энрике, мореплавателя Ибн-Баттуту. Целая россыпь труднопроизносимых исландских топонимов украшает последнюю часть

книги, где поэт пытается скрестить исландский и русский языки.

Разговаривая с читателем на общем с ним языке, Комаров старательно избегает опасности встать *над* читателем, поэтому даже в тех стихотворениях, где он назидателен, а такие стихи у него есть, он снижает высоту строки легкой иронией. Например, кто-то мог бы написать: *холодная Вечность*. А у Комарова мы читаем:

*Стоит только прикоснуться к Вечности,
сразу мёрзнут верхние конечности.*

И в этом весь Комаров. Он скорее обзовет себя неучем, идиотом, чем позволит свысока поучать кого-либо. Но не следует поддаваться на эти провокации, Поэт Александр Комаров совсем не прост.

Вот, например, он пишет о себе:

*Я во-первых, во-вторых и в-третьих
и не критик, и не теоретик,
и за мною есть позорный фактик:
я всего лишь действующий практик.*

Всё – правда, и то, что поэт писал стихи – *действовал*, до последних дней, в отличие от многих своих друзей-коллег, и то, что теоретизировать не любил и если высказывался, то коротко, и по сути. Но в этом стихотворении, самоуничижение, заявленное в начале (*позорный фактик... всего лишь... практик*) выводит в итоге на тему четкого взаимопонимания между практиками (в отличие от теоретиков). И с кем же Комаров находит такое взаимопонимание с *полужестя*? С Горбовским!

*Вон Горбовский: пробурчит невнятно
да рукой взмахнёт... И всё понятно!*

Поэт Александр Комаров знает себе цену, но выражает ее в лукавых формулах. Маскирует и прячет, притворяется *вторым*, уступая место *первым*, и правильно понять и оценить его можно только при внимательном прочтении.

Вот он рассуждает о Достоевском и сетует, что не смог высказать негативные свои впечатления о его книгах, а Набоков смог.

Вот она, та шкала, по которой измеряет поэт свое творчество: Горбовский, Набоков! Вот к кому примеряет он свои *общие* слова.

В стихотворении о Достоевском поэтом использован, вероятно неумышленно, закон отрицания отрицания: *пободав* классика, Комаров завершает стихотворение сообщением о том, что Достоевский, тем не менее, стоит у него на книжной полке *никем не утеснен*.

Вообще Комаров не чужд философии, целый раздел книги посвящен ей. И здесь он ироничен, и, как всегда, блестящ по форме. В стихотворении «Я факты собираю...» можно обнаружить художественное воплощение в жизнь еще одного диалектического закона: перехода количества в качество.

Но философов поэт явно недолюбливает, не потому ли что в своих рассуждениях о высоких материях они погрязли в терминологии и позабыли *общие* слова. Поэт же старается расширить понятие философии, выявить ее истинную природу.

*Что мне до философии? Она
и без меня присутствует повсюду,
Как соль в морской волне, растворена.*

Вот оно – отношение автора к философии: философия – повсюду. Иначе – она сама жизнь. И поэт Александр Комаров подтверждает это своими стихами.

Книга «Общие слова» – восьмая книга Александра Комарова, поэта, которого можно условно отнести к поэтам-семидесятникам. Она была составлена еще при жизни автора, но появилась в свет уже после его смерти. Горький парадокс заключен в подзаголовке: «Памяти сына». Теперь это – книга двойной памяти: памяти сына и памяти отца.

Неожиданный уход из жизни Александра Комарова – поэта, который определял одно из направлений питерской поэзии, продолжая традиции Пушкина, несомненная утрата для отечественной литературы. Поэтому для нас, читателей, особенно ценна эта последняя его книга.

Борис Краснов

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИСТВА ПОД НОГАМИ

«Настигнут редкой похвалою...»	4
«Долго пел соловей...»	4
«Всё так, как надо...»	5
«Человек, заботами гоним...».....	5
«Все сложности...»	6
«Старею? Ну и что с того?...»	6
НОСТАЛЬГИЯ	7
«Открой словарь...»	8
«Вот мотоцикл. К нему коляска...»	8
«Ну-с, обратимся к нотной грудё...»	10
«Стоит только прикоснуться к вечности...»	11
«Всё уgomонилось...»	11
«Поздние знакомства только в тягость...»	12
«Определю, кто ты таков...»	12
ГОРОДОК	13
ЖЗЛ	14
«Шепоток за моею спиной...»	15
«Целый месяц было жарко...»	16
«Приехали!...»	16
«Покуда тёплая, живая...»	17
«Жил мальчик, образованный не слишком...»	18
«Я холода боюсь...»	18
«Тот, кто отлавливает славу...»	19
«Пока однокольный провод...»	19
«А все эти балетные поддержки...»	20
«Я люблю прогулки у реки...»	20
«Пока её рука его ласкала...»	21
«Судьба такой показывала кукиш...»	21
«Воспринимали неохотно...»	22
«Я во-первых, во-вторых и в-третьих...»	22
«Нам любы споры в час досуга...»	23
«Неласковая, вроде, – ни тронуть, ни обнять...»	23
«Эх, и что за ночь лихая!...»	24

«На себя со стороны посмотрю...»	24
«Немеют дёсны от рябины...»	25
НОВГОРОД	25
«Опять зачерствела на речке вода...»	26
«Знаю, всем нам не в новинку...»	26
«Под ногой хрустит валежник...»	27
«Как шкодливые коты...»	27
«Томим какой-то смутной жаждой...»	28
«Подснежник так нежен...»	28
«Весна атаковала громко...»	29
«Любовь слепа... И смерть незряча...»	29
АЭРОПОРТ	30
«Здравствуй, творческий процесс!...»	30
«Снова на излёте лето...»	31
«Светает. Надо просыпаться...»	31
«Потух гребешок петуха...»	32
«...между тем, вот что происходило...»	32
«Люблю природы шалости...»	33
«Мы ярким днём ослеплены...»	34
«Та осень на грибы была щедра...»	35
«Оттепель. Обманутая птичка...»	36
«Вот ящерица...»	37
РЕЧОНКА	38
«Не слажу с горем...»	39
«Покудова король Диниш...»	40
«Ветры в снастях загудели...»	41
«У смерти оказавшись в лапах...»	42
«Было нам по восемь лет...»	43
МОТОКРОСС	44
«Дуб, граб, бук...»	45
«Что я в багаже своём имею...»	45
«О чём бы нам беседу повести?...»	46
«С пароходством...»	47
«Между озером пресным и вкусным...»	48
«Смельчаков – хоть пруд пруди...»	49
«Застарелою астмой сипя...»	50
«Светились купола...»	51

ВЕСНА	52
«Наступают холода...»	53
ДЕТСТВО. 1952	54
ИЗ ЮНОСТИ	55
«Здорово, приятель! Откуда?..»	56
СЕНТЯБРЬ	58
«Вы мне не знакомы, я вам не знаком...»	59
«Люблю, – когда снаружи слякоть...»	60
«Всё в этом доме было мило...»	61
«Поглядите – что за диво!..»	62
ПСИХОЛОГИЯ	63
«Когда открытье делал Мендель...»	64
НОЧНОЙ ЧЕЛОВЕК	65
«А надо побыть иногда одному...»	66

ФИЛОСОФИЯ

«По непроверенным данным...»	68
«"Критика чистого разума" мне не даётся...»	73
ПОРТРЕТ	74
«Я факты собираю...»	75
«Поэтическим воображением...»	76
«Человекоподобный...»	77
«Не столько образован, как начитан...»	78
«Эристик, чтоб остаться чистым...»	79
«Полжизни, помнится, по крайней мере...»	80

РЕМЕСЛО

«Когда особо тяжело мне...»	82
«Старик Державин, дедушка Крылов...»	83
«Иван Дмитриевич Митрофанов...»	84
«Как сочетать, души не тронув...»	85
«Собираясь что-то сочинить...»	86
«Не семьсот ли семьдесят седьмым...»	87
ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ	88
ПОКАЯНИЕ	90

СОЧЕТАНИЯ

«Исландия невелика...»	92
МЕЧ ЭГИЛЯ	93
ТЯЖБА	93
ИСХОД	94
«Вот так вот и язык сломаешь...»	95
Послесловие	96
Содержание	100

Александр Юрьевич КОМАРОВ

ОБЩИЕ СЛОВА

В авторской редакции

Корректор Ильина Г.А.

Верстка и оформление Ильина Г.А., Краснов Б.Н.

Подписано в печать 21.06.2023

Формат 60х90 1/16 Печать ризографическая

усл. печ. л. 6,5

Тираж 150 экз. Заказ № 57

Отпечатано с оригинал-макета в типографии

«Гамма»

Санкт-Петербург, ул. Трефолева, д. 111